

Черевко – интервью

Интервьюер Жанна Литинская

Сегодня 14 декабря 2002 года, я встретила с Нинель Григорьевной Черевко. Нинель Григорьевна, расскажите, где и когда вы родились?

Я, Черевко Нинель Григорьевна, девичья фамилия Шварц, родилась в 1923 году 11 августа в городе Москве.

Что вы можете рассказать, что вы знаете о самых старых, древних представителях Вашего рода как со стороны отца, так и со стороны матери? Кого Вы знали, бабушек, прабабушек, о ком вы можете рассказать?

Я могу рассказать практически только о своей бабушке, папиной маме. Так как один дедушка у меня умер до моего рождения, это отец моей мамы, в 1918 году, а второй дедушка умер в 1927 году, когда я его еще не знала.

Но вы что-нибудь о них знаете? Например, мамы родители, назовите их имена, если знаете, года рождения, хотя бы примерно. Как звали маминного отца?

Иосиф Маркович.

А как мамина девичья фамилия?

Мамина девичья фамилия Докторович. Иосиф Маркович Докторович.

Где они жили, в каком городе?

Они жили в городе Евпатории, в Крыму. Они были с Юга России, и основную свою жизнь они прожили в Евпатории.

А вы не знаете, чем дедушка занимался, кем он был?

Очень приблизительно, такая мещанская семья, мещанская. Семья юбля, всегда писали, что это мещане, и занимались небольшой, мелкой торговлей.

У него какая-то лавка была?

Нет, он где-то агентом был.

Агентом, распространял что-то.

У мамы были братья и сестры родные?

Да, у мамы сестра была Софья Иосифовна, была старше мамы.

Какого она года рождения была?

По-моему, мама была 1902 года, а она была 1892 года. Старше на целые десять лет.

Расскажите о ней то, что знаете.

Они тоже жили в Евпатории, она была замужем не з евреев. Фамилия по мужу е была Григоренко. Это была самая старшая сестра.

Как ее жизнь сложилась, она училась, получила какое-либо образование?

Нет, образование она не получила. Получила только, как обыско, начальное образование. Работала. Получила такую профессию впоследствии – повар, она поваром была.

Она всю жизнь прожила в Евпатории?

Да.

А во время Отечественной войны где она была?

У своего сына в Уфе была.

Сколько у нее детей было?

У нее было четверо детей – старший сын Коля, за ним Михаил, за ним дочь Валентина, и сын еще самый младший Алексей.

А ее дети подучили высшее образование?

Один только. Старший.

Кем он был?

Он был инженером строителем.

В войне не участвовали ее сыновья?

Нет.

И когда она умерла, примерно, хотя бы, можно десятилетие называть?

Она умерла после войны. Она прожила 92 года, умерла в середине 80-х годов.

После войны она вернулась в Евпаторию?

Да.

Это мамина старшая сестра. А еще у мамы были братья и сестры?

Еще у мамы была сестра Евгения Иосифовна, которая была замужем за Шулькиным Хаимом Михайловичем, наверно, он был Мойшковичем.

Она тоже в Евпатории жила?

Они жили в Евпатории. Отец Хаима, мы его звали дядя Хиля, имел в Евпатории мельницу, которая еще перед войной работала.

Она ему принадлежала?

Нет, но она еще работала, это на выезде к Сакам.

А его не раскулачили, когда НЭП окончился?

Нет. Когда НЭП ликвидировали, то они уже были очень пожилыми людьми, он умер. Просто национализировали. Их было – он, брат Михаил, отчества их я не помню.

Это родители Хаима или он сам?

Отец был хозяином. И эта семья очень пострадала в войну, так как Хаим Шулькин, его брат Михаил Шулькин, жена брата Соня и сын их Леня были в Симферополе расстреляны в 42-м году.

То есть они остались в оккупации?

Они остались в Симферополе, там они жили, были в оккупации. и в 42-м году всем евреям, не могу сказать. Св каком это было месяце, всем евреям было приказано явиться на перерегистрацию, и вот они пошли и их расстреляли. А Женя, Евгения, взяла младшую дочь Миши, племянницу Хаима, Полину, и не пошла на регистрацию, с ней убежала, и они остались живы.

А где они прятались?

Они бросили свою квартиру, комната у них была большая отдельная в центре Симферополя, и она переехала на Слободку. Там была татарская слобода, переехала туда, и там где-то в маленьком домике южного типа, в котором все выходит окнами во двор.

Татарские дома, в которых все выходит во двор, закрытого типа?

Да. И она так прожила там и после войны.

Свои дети у нее были?

Не, своих не было. Она эту девочку воспитала.

А какого года Женя?

Она была старше мамы года на четыре.

Она работала где-то, Женя?

Она работала в швейной мастерской и была, как тогда говорили, модисткой.

А кем был Хаим?

Хаим был торговым работником, как сейчас это называется...

Дилером, представителем?

Да, вот такого типа.

Она больше замуж не выходила?

Нет.

Когда она умерла, вы не помните?

Она умерла раньше, чем Софья, она умерла, наверное, в конце 60-х годов.

Это две мамы сестры, еще был кто-то у мамы родной?

С другими мы как-то не были связаны, вот с этими сестрами да, я их хорошо знала. А больше я никого не знаю.

А как бабушку звали. Мамину маму?

Бабушку звали Докторович Ирина Яковлевна.

Ирина- это ее имя от рождения?

Это ее имя от рождения или было какое-то еврейское имя?

Было какое-то еврейское имя, может, Ида.

Рива- это у меня тетя по папе.

Так вы эту бабушку знали хорошо?

Нет, я по папе знала.

А этой бабушки уже не было в живых, когда вы родились?

Эта бабушка рано умерла.

Мама рассказывала о том, как они жили, какой у них дом был?

Они жили на окраине Евпатории, домик у них был небольшой, и они были из такой. Я бы сказала, неимущей, среды, не бедняки, но они не имели образования...

А где мама училась?

Мама училась уже, когда поехали в Москву, потом.

А какое образование получили три дочери?

Они окончили начальную школу.

Еврейскую или нет?

Вот этого я не могу сказать. Но, в основном, они как-то больше пользовались русским языком.

А мама не рассказывала, дедушка и бабушка были религиозными?

Вообще, у нас вся семья, во всяком случае, мама была нерелигиозна. А родители, мы как-то об этом не говорили. Я о них мало знаю.

Ну сейчас перейдем к той семье. Мама не рассказывала, погромы, гражданская война на их семье никак не отразились?

В отношении погромов не рассказывала.

А что она рассказывала о своей жизни. Мама родилась в 1902 году, что она рассказывала о своей жизни до встречи с папой?

Я Вам скажу, что они были детьми, были дома, учились в школе. Потом они работали в мастерский ученицами в швейных, в чьей-то.

Мама тоже работала в швейной мастерской?

Да. А потом они как-то рано начали принимать участие, это как-то больше рассказывалось, в революционном движении.

Мама тоже принимала участие в этом?

Да, тоже.

А что она об этом рассказывала?

Мама принимала участие, и тетя Женя принимала участие.

В чем это выражалось, он были с кем-то знакомы или выполняли какие-то поручения, что она об этом рассказывала?

Они были членами комсомольской организации.

В этой комсомольской организации Хаим тоже был?

Да, он был в этой комсомольской организации, была Лия Шулькина, мама, был Миша шулькин. Шварци Григорий, мой отец. Они там и познакомились. Начинали они свою вот такую активную деятельность довольно рано – с четырнадцати лет. В четырнадцать – шестнадцать лет они уже были активными молодыми – папа 903 года, то в 17 году ему было 14 лет, а маме 15 лет. И вот это памятник стоит в Евпатории в центре города в садике? Стоит памятник, где есть фамилия моей родственницы Лии Шулькиной, памятник расстрелянным беловардейцами.

Значит, ваш папа тоже из Евпатории, расскажите, пожалуйста, о папиной семье так же, как вы говорили о маминной. Что вы знаете о дедушке, бабушке. Дедушку как звали?

Мой дедушка, Илья Иосифович Шварц, 1871 года. Он родился в Михайловской Таврической губернии.

Это тоже где-то в Крыму?

Это был Мелитопольский уезд.

В какой семье он родился, кто был его отец, вы знаете?

Нет, вот совсем не знаю.

А сам Илья чем занимался?

Сам дедушка работал, очевидно, не знаю, точно, служащим, таким торговым агентом. Потому что своего дела у него не было.

А бабушку как звали?

Бабушка моя, Шварц, девичья фамилия Лютровник Берта Львовна, родилась в 1876 году там же в Михайловском. Она из одной местности. Бабушка была домохозяйкой.

А вот эта семья была религиозной или нет, что папа рассказывал о своих родителях?

Его родители, семья была более такая, нормально религиозная. Папа рассказывал про еврейские праздники. Так как он был младшим, то на Пейсах дедушка задавал вопросы, а он, как самый младший, на эти вопросы отвечал.

То есть семья была более религиозная, чем мама?

Да, более религиозная. Традиции соблюдались.

А дедушка и бабушка ходили в синагогу?

Думаю, что ходили. В Евпатории была синагога, думаю, что в синагогу они ходили.

А папа не рассказывал, они соблюдали кошерность, шаббат?

Не рассказывал. Вот он только рассказывал относительно своего участия в празднике.

А вы знали бабушкиных сестер, расскажите о них.

Дедушка мой умер рано, в 1927 году в возрасте 56 лет.

А отчего он умер так рано?

От инфаркта, тогда это называлось разрыв сердца.

Дедушка работал при советской власти?

Работал, и в 27 году он поехал в Кисловодск на курорт и там умер. И мы получили известие из Кисловодска, мне было всего четыре года, но я хорошо помню. что мы получили известие из Кисловодска о том, что умер его отец. У бабушки были три сестры и один брат. Брата я не знаю. И о нем я как-то мало знаю. А сестры бабушки – Лия Львовна Лютровник,

бабушкина сестра, рождения 1882 года, она закончила гимназию в Евпатории и училась на медицинском факультете Сорбонны в Париже.

А как получилось, что она туда поехала, у бабушкиного отца было достаточно средств?

У бабушкиного отца, он ее послал в Париж. Она закончила с золотой медалью гимназию, закончила медицинский факультет Сорбонны в 1912 году и получила звание доктор медицины.

А что потом было, как ее жизнь сложилась?

После окончания Сорбонны она вернулась в Евпаторию и в Евпатории жила до 41 года, до начала войны.

Она замужем была?

Нет, она замужем не была. Всю себя посвятила медицинской практике и была крупным специалистом по костному туберкулезу и работала все время главврачом специализированного санатория Красного Креста в Евпатории, была два таких санатория. Там она работала до начала войны, потом она эвакуировалась.

Куда, не знаете?

Точно не могу сказать. Но после уже войны она работала так же в специализированном санатории на окраине Москвы, в Балашихе тоже в санатории по костному туберкулезу, работала врачом до самой смерти в 65-м году.

Еще сестры какие?

Санаторий «Красная роза», он и сейчас есть. Теперь, Софья Львовна Лютровник, рождения 1885 года, вот она тут на фотографиях. Я ее не знала, так как она очень рано умерла, в 1919 году.

Она была замужем? За кем?

Он был фотограф, ее фамилия по мужу была Дейтарович, она рано умерла, оставив дочь. А третья сестра, младшая, Анна Львовна Лютровник, родилась в 1889 году, которая тоже закончила гимназию и начинала учебу во Франции, не могу сказать где, которую прервала Первая Мировая война. Она вернулась и жила в России, сначала она жила с родителями а потом она переехала в Москву и жила в Москве. Она замужем была таким образом. Когда умерла ее сестра Софья Львовна и оставила дочь, вот она, то Анна вышла замуж за ее мужа Дейтаровича.

Ну это было принято еврейских семьях.

Но она свою фамилию носила. Лютровник.

И они переехали в Москву?

Да, они переехали в Москву. Я их обоих знала, помню и они жили вот с этой дочерью.

А во время войны где они были?

Во время войны они оставались в Москве, а дочь эвакуировалась.

Девочка эта?

Да. Она седьмого года, Ирина.

А когда она умерла?

Анна Львовна умерла в 54-м году, она прожила 60 с лишним лет.

А бабушка ваша была самая старшая?

Бабушка моя была самая старшая.

А бабушка получила какое-то образование, вот, я смотрю, что дети все учились.

Да, сестры получили. А бабушка тоже училась в гимназии. Не могу сказать, закончила ли она полный курс гимназии. Я только могу сказать, что полный курс окончила Лия Львовна и Анна Львовна.

Но раз она училась в гимназии, она была все-таки образованная?

Образованная, образованная. Это семья была образованная.

Сколько было детей у них. Кроме Вашего отца? Отец третьего года, а кто еще у них был?

Отец 3-го года. У них еще была самая старшая, Шварц Ревекка Ильинична.

Какого она года?

1894-го.

Расскажите о ней, что вы о ней знаете?

Шварц Ревекка, они жили тоже в Евпатории. Они в Евпаторию переехали после рождения моего папы. До этого они жили в Михайловском, а после рождения моего папы, где-то в 903-904 году, они переехали в Евпаторию.

А с чем это было связано?

Не могу сказать, я этого просто не знаю.

А Ревекка, как ее жизнь сложилась?

Ревекка, она закончила гимназию и закончила медицинский факультет харьковского университета и была врачом-рентгенологом. Всю жизнь она работала, всю войну была на фронте. У меня где-то есть ее военная фотография. У нее муж был, Сокол Марк Семенович, тоде врач, но он был клиницист, так называлось, не терапевт, а клиницист. Они прошли всю войну.

Когда она умерла?

Тетя Ревекка умерла в 64 году. В семьдесят лет в Харькове. У них был единственный сын, его звали Алик, который трагически погиб в 20 лет. Полное имя, наверное, Александр. Он был студентом 3-го курса Харьковского университета и во время прохождения вот таких военных сборов в Одессе утонул в море. Это был их единственный сын и больше у них никого не было.

У отца были еще сестры и братья?

Теперь, за Ревеккой шел Давид. Давид был рожден в 96-м году примерно, 96-97 год. Он тоже закончил гимназию и получил высшее образование, точно не могу сказать, где. Он был военным инженером-химиком. Жил он в Москве, был женат, жена его была преподаватель английского языка. Хорошо его знала, была очень интеллигентная женщина. У них было двое детей. Эта семья вся погибла трагически.

Как это было?

Давида забрали в 37м году и больше о нем ничего не было известно.

Он был членом партии?

Да, он был членом партии. Его жена выехала в Таганрог к своим родителям вместе с детьми и там они все погибли, во время войны были расстреляны немцами. Они дальше не эвакуировались, а Давид исчез. И так нам не удалось узнать о нем ничего, ничего не удалось узнать. За Давидом был Изя, Исаак, который был рождения примерно 1900-го года. О нем мало очень сведений, потому что он рано умер. Он умер совсем еще мальчиком. И мой папа...

За папой уже никого не было, он был самый младший?

Папа был самый младший, Шварц Григорий Ильич, 1903 года рождения. Родился папа в Михайловском, там, где жила тогда еще вся семья. Но вскоре посл его рождения вся семья переехала в Евпаторию. Поэтому папа практически свои детские и юношеские годы провел в Евпатории. Папа учился в гимназии.

Вы не знаете, папа не рассказывал, до гимназии он и его братья учились в хедере, еврейское образование у них было?

Думаю, что нет. Дед им дал светское образование в классической гимназии.

Но папа ее, наверное, не окончил?

Не окончил, нет, революция помешала. Папа учился в гимназии, но не окончил. И уже с 14 лет, с 1917 года папа уже принимал активное участие в молодежном революционном движении.

Еще один вопрос. В 13 лет у мальчиков положено бармитца, обряд еврейского совершеннолетия. Папа проходил его, он не рассказывал ничего? Вель в 14 он уже был революционером. Если вы не знаете, лучше не говорить.

Не знаю, и не могу на этот счет какие-то домыслы строить.

Они познакомились с мамой?

Да. Но папа мой был такой довольно активный, как говорится, лидером. Он был секретарем комсомольской организации уже после революции. Когда в 18 году организовался комсомол, в 15 лет он уже был секретарем евпаторийской ячейки. Потом он был в Центральном крымском органе уже в Симферополе, и оттуда папа уже был выдвинут на работу в Москву. И они с мамой..

Они уже были женаты к тому времени?

Они с мамой поженились в Евпатории в 1921 году.

Они рассказывали о своей свадьбе, какая это была свадьба?

В это время они были уже революционными молодыми людьми, и свадьба у них была нетрадиционная.

Но была какая-то? Они расписались все-таки, потому что тогда модно было жить нерасписанными?

Они были расписаны. Но это была вот такая молодежная свадьба.

Они не рассказывали, дедушки и бабушки не настаивали на том, чтобы как-то традиционно отметить свадьбу, не было таких разговоров?

Их поддерживала вот в таком их действии Лия Львовна, так как она, уже обучаясь в Сорбонне в Париже, она была более современной эмансипированной женщиной. И она имела

довольно большое влияние на бабушку и их семью. И они получили такую некоторую поддержку и некоторую долю свободы. После свадьбы практически они уехали в Москву.

А где они там жили?

Они жили в Москве в очень интересном доме. Такого правительственного типа.

Это было типа общежития?

Это была правительственного типа. Там было и общежитие, и там была над их маленькой комнаткой была приемная Калинина.

А где это было?

В самом центре Москвы, этот дом известен, напротив Ленинской библиотеки.

На Калининском проспекте?

Нет, это на Волхонке, это был знаменитый дом на Волхонке.

И вы там родились?

И я там родилась. Мы жили в малюсенькой комнатке, и, по рассказу моих родителей, когда я родилась, то меня положили в корзину из-под белья такую плетеную.

То есть, они были такими раскрепощенными молодыми революционерами, которые не обращали внимания на тяготы жизни и как бы верили в светлое будущее? А они к тому времени уже были членами партии?

Были. Мой папа член партии с 19-го года, с шестнадцати лет. А мама членом партии стала немного позже, она с 26-го года.

Вот вы родились в Москве, родители работали тогда или учились?

Мама училась на специальных подготовительных курсах Плехановского института народного хозяйства и потом его окончила. Мама окончила институт. А папа работал в ЦК комсомола и учился тоже в Плехановском институте на вечернем отделении.

И вы в Москве жили практически до войны? Что было дальше?

Мой папа работал как экономист по труду молодежи. Он работал в ЦК ВЛКСМ по этой линии и затем его перевели в Госплан.

В каком году это было?

Это я могу посмотреть. Это было уже, папа последовательно в Москве работал сначала в ЦК ВЛКСМ, затем в Наркомтруде, это был примерно в 1926 году. И далее в 30-м году он уже работал в Госплане СССР на довольно высокой должности. Он был заместителем начальника сектора народно-хозяйственных кадров Госплана ССР примерно 30 – го года.

Он много работал?

Папа очень много работал, очень много. Был таким знающим и квалифицированным экономистом. Папа был человеком образованным, знающим хорошо русскую литературу. Он нам всегда читал Шолом-Алейхема на русском языке. Дома вообще, говорили по-русски.

А бабушки и дедушки как говорили, не знаете?

Бабушки и дедушки моем уже детском, уже дедушки не было, была только бабушка, а она жила в Евпатории с Лией Львовной, и они разговаривали по-русски.

Но вы ее знали каким-то образом, вы ездили в Евпаторию?

Да. Бабушку я знала, мы ездили каждое лето в Евпаторию.

Вот вы говорите, папа читал нам – значит, у вас был брат или сестра?

Брат рождения 1931 года. Он родился в Москве.

Вы уже к тому времени пошли уже в школу? Это была обычная школа или школа для детей партийных работников?

Обычная школа. Мы жили в Москве и папа работал в Госплане. Я пошла в школу, 18 школа Фрунзенского района города Москвы. В Москве мы прожили до 34-го года.

А помните, вы мне говорили, что можете рассказать о Торгсине, что с этим связано?

С этим связано. Так как мы жили возле Арбата, по улице Смоленский бульвар, 22, а на углу Арбата и Моленского бульвара был открыт первый Торгсин. Этот гастроном существует и до сих пор, гастроном на Смоленской площади, это был первый советской Торгсин. Он был открыт примерно в 30-м году.

А мама пользовалась Торгсином?

Мы никто им не пользовались, потому что туда нужно были бонны – это получали те, кому они приходили из заграницы, или сдавали золото на бонны. На бонны сдавали золото, а там уже покупали за бонны.

Но там много людей было, очереди были?

Никаких очередей не было. Это был большой красивый магазин, в котором были все протукты и экзотические тоже, и промышленные товары. И нам было интересно, мы туда просто бегали посмотреть. Вход был свободный.

А ваша семья, вы так и продолжали жить в этой маленькой комнатке или получили квартиру?

В этой маленькой комнатке мы прожили примерно до 26-27 года потом апе дали на Смоленском бульваре в коммунальной квартире две комнаты?

В коммунальной квартире, несмотря на то, что он занимал большую должность?

Да, в коммунальной квартире. И там же дали комнату его товарищу, они были хорошими друзьями, Самуил Розовский такой был, который занимал более высокую должность. Он был начальником сектора машиностроения Госплана СССР, и им дали по комнате в коммунальной квартире. Эта квартира имела длинный коридор и 12 жильцов. На эти 12 жильцов была одна кухня, где каждый имел свой столик, керосинку или примус, один кран с раковиной, где все умывались, и, простите, один туалет.

И, наверное, туда были очереди?

Да.

А какие отношения были между соседями?

Отношения между соседями... Там еще у нас жили. Вот как раз напротив нашей комнаты жил Масунин, пианист, тоже еврей. Он был холостяк, жил со своей мамой. И еще жил, не помню его фамилию, тоже один холостяк, тоже еврей. Далее жили люди русские, совсем простые, отец был вагоновожатый, тогда у одной семьи. Одним словом, нас в этом коридоре было не менее десяти детей, где довольно дружно мы играли, проводили время.

Между вами и детьми других национальностей были нормальными?

Хорошие были отношения.

А в доме у вас отмечали советские праздники – Первое Мая, революцию?

Да, в доме у нас, я помню, в возрасте 4-5 лет, это где-то в 27-28 году елку на Новый Год, большую елку, которую устроили мои родители для всех детей нашей коммунальной квартиры. Это была единственная и последняя елка. Потом их запретили. Но там мои родители устроили.

А почему запретили елки, вы не знаете?

Елки запретили, я так думаю, потому что это была принадлежность рождественного праздника. А так как все, что связано с религией, не культивировалось, то елок больше не было – ни в школе, ни в домах елок больше не было, единственная елка – эта вот эта елка в коммунальной квартире. В этой коммунальной квартире мы прожили до 33 года, и в 33-м году Госплан построил первый дом для своих сотрудников, и нам в этом доме дали двухкомнатную изолированную квартиру со всеми удобствами. И там же дали квартиру Розовскому.

Вот у меня такой вопрос- отец общался с евреями, никогда не отмечали какие-нибудь еврейские праздники вместе с ними?

Еврейские праздники не отмечали?

Но собирались вместе евреи?

Вместе они собирались очень часто. Просто ходили, очень было принято просто ходить друг к другу в гости, причем это было совершенно не так, как сейчас. Обычно собирались, мужчины всегда очень много беседовали и много проблем обсуждали. За столом всегда пили только чай и я до сих пор не могу вспомнить, чтобы когда-то на столе стояла хоть бутылка вина. Совершенно не было принято, особенно это не было принято в партийных кругах. Собирались и обсуждали многое. Мы переехали в тот дом и прожили там всего один год.

А что потом случилось?

А потом, 1 декабря 1934 года был убит Киров в Ленинграде и после этого начались репрессии.

Уже в 34-м году?

Да, это была первая волна репрессий. В 1934 году. Мой папа ранее, будучи членом партии, был в Зиновьевско-Троцкистской оппозиции. Эта оппозиция была в 27-29 году. Он принадлежал к ней и даже исключался из партии.

Это была официальная оппозиция?

Да, папа принадлежал и даже исключался из партии. Потом был восстановлен в партии.

А вы не можете мне напомнить коротко, в двух словах, в чем заключалась разница во взглядах с троцкистами?

Вы знаете, как-то я, хотя я и сама была членом партии, я не помню.

Хорошо, не надо, я потом посмотрю в литературе.

Помоему, эта оппозиция была связана с дальнейшими путями экономического развития. Это была не политическая разница, а в экономике.

А когда отец был восстановлен в партии?

В 29-м году он прошел чистку и был восстановлен. В 34 году 1 декабря был убит Киров, и началась первая волна репрессий. Моего отца арестовали на работе сразу же в декабре, где-то в середине, буквально через две-три недели.

А он перед этим нервничал как-то, волновался, вы не помните? Были какие-то дома, может, с матерью, разговоры о том, что ему что-то угрожает, или вы не помните?

Этого я не помню. Но общее волнение уже было, вот частностей я не помню, но общее состояние помню. Мне ведь было всего 11 лет. Папу арестовали на работе. Я хорошо помню, что он не пришел домой, а на следующий день к нам пришли с обыском, забрали все папины документы, материалы, которые были у папы и забрали очень много кабинетных фотографий. Нам ничего этого не вернули. Эти кабинетные фотографии, его в работе, там было этого очень много.

А мама работала в это время?

А мама в это время работала и была членом партии.

Где она работала?

Так как мама закончила Плехановский институт по линии текстильной промышленности, и поэтому она работала в такой организации, которая называлась Главхлопок. Там мама работала экономистом.

Что было дальше, маму не уволили, из партии не исключили?

Маму исключили из партии. И дальше маме предложили выехать из Москвы с семьей в течение трех суток.

Ей не объясняли ничего, за что отец арестован?

За что арестован – за принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции.

По какому делу проходил отец?

Отец проходил по делу так называемой ленинградской контрреволюционной группы Сафарова, Залуцкого и других.

Когда суд состоялся, вы не знаете?

Суда не было.

Была тройка?

Ни суда не было, и ни тройки не было. Папа мой был выслан на пять лет в административную высылку.

Куда?

В город Алекминск Якутской АССР.

Вы начали рассказывать о том, что маме предложили с Вами уехать, что было дальше?

Теперь, маме предложили уехать. И мы с мамой уехали в Симферополь, к ее сестре Евгении и Хаиму Михайловичу.

Он тоже был членом партии?

Нет, он не был. А моего брата, которому было тогда четыре года, его взяли к себе бабушка моя Берта Львовна и ее сестра Лия, которые жили в Евпатории. А я с мамой жила в Симферополе. Однако в Симферополе нам не предложили жить и предложили выехать. И тогда мы тоже уехали в Евпаторию и жили уже у маминой сестры Софьи Иосифовны.

Долго вы там жили?

Мы там жили года полтора.

А вы ходили там в школу?

Да, я ходила в школу.

Как к вам там относились, они знали, что вы дочка репрессированного.

В Евпатории – нет, не знали.

А в Москве, когда отца арестовали?

А в Москве, когда отца арестовали, мы очень быстро выехали. Но мы жили в этом госплановском доме, и некоторые попытки были со стороны моих же ровесников сказать, что твой отец – враг народа.

А вы плакали, когда его арестовали?

Ну конечно.

А мама, как она себя вела, она вас утешала, поддерживала, или наоборот, вы были ей поддержкой?

Ну как, это же мама все, это на ее плечи все легло. Мама с двумя детьми осталась вот так вот. Мама была очень мужественная женщина, это юбло очень трагично.

Когда вы жили в Евпатории, вы уже знали, где отец находится?

Знали, мы уже знали. Мы знали. Что он находится в городе Алеквинске. Он был в административной ссылке и работал там.

Он писал вам письма?

Писал письма, право переписки у него было. Мы ему посылали посылки, посылали туда теплые вещи и некоторые продукты.

Посылки до него доходили?

Посылки доходили и письма доходили, но все это было очень тяжело.

Ну и что дальше было?

Папу выслали в феврале 35-го. А в 36-м году летом мы с мамой и братом моим Феликсом поехали туда к папе.

Вам надо было получать какое-то разрешение или это было свободно?

Нет, разрешения нам не нужно было получать никакого, это было совершенно свободно. От Евпатории до Алеквинска мы добирались ровно месяц. Этот город находится на реке Лене выше Якутска на 600 км, и между ним и Якутском больше нету никаких городков.

А как вы добирались?

Мы добирались таким образом. Из Евпатории до Москвы поездом, с Москвы до Иркутска поездом, с Иркутска до Заярска, это Ангарск теперь, мы добирались по Ангаре паромом, с Ангарска до Усть-Кута, где теперь уже провели железную дорогу, а тогда ничего этого не было, мы пробирались на попутных грузовых машинах. 400 км ехали в открытом кузове. И в усть-Куте мы садились на паром и плыли по реке Лена две недели до Алеквинска. И таким образом это заняло примерно месяц. В городе Алеквинске отец жил на свободном поселении, он снимал квартиру, работал в леспромхозе плановиком и одно время даже работал в Алеквинском райисполкоме.

Вы стали жить с ним?

Мы стали с ним жить там до окончания ссылки. Очень тревожно было в 37 году, потому что там было трое ссыльных. И только мой отец остался, а их опять арестовали, забрали и так мы и не знаем, что с ними.

Как их звали, вы не помните?

Я хочу сказать, что фот на фотографии их дети, Соловьев – сын Соловьева, и сын Бабушкина, Соловьев, Бабушкин и Шварц, и вот Соловьева и Бабушкина арестовали, а семьи уехали после этого.

Скажите, вы были пионерской, вас принял в пионеры?

Я была пионеркой еще в Москве.

Вас не исключали?

Меня не исключали, а вот в комсомол мне было вступить довольно трудно. Я ездила специально в Якутск, живя в Алекминске, для того, чтобы меня приняли в комсомол. В Якутске я ездила в обком комсомола, потому что в Алекминске меня в комсомол не принимали.

Вас приняли в комсомол?

Да, меня приняли. Мне было тогда 15 лет, я вступила в комсомол в 38 году.

До какого времени вы жили в Алекминске, когда вы уехали оттуда и куда?

Мы жили там до 40-го года. В сороковом году кончился срок ссылки и папе моему разрешили выезд. Но папа не имел права вернуться в Москву. И мы опять поехали в Крым, в Симферополь. Там он работал топливном отделе руководящего органа – исполкома, в топливном отделе, а тогда это была Крымская АССР, она входила в состав России. И поэтому там был свой Верховный Совет, свои органы власти.

Что было дальше?

А дальше был 41-й год.

Вас война застала в Симферополе?

Война застала в Симферополе. Квартиру нам не дали. И мы сняли квартиру на слободке, то была цыганская слобода. Там мы себе сняли комнатку безо всяких удобств, и в этой комнатке мы начинали жизнь снова.

И война вас там застала?

Война нас там застала. И, значит, таким образом. С первых дней войны мой папа, ему тогда в 41 году было 38 лет, он был непризывного возраста. Но мой папа пошел тогда добровольцем в армию, и в августе 41-го года мой папа ушел на фронт. И прошел всю войну и не был ранен. Вот такое вот ему счастье. Пошел рядовым, а пришел лейтенантом.

А что было с вами. Вы остались пока в Симферополе?

А что было с нами? Мы остались в Симферополе таким образом – мама, я, старшая, за мной Феликс мой брат, и мама в положении на 9-м месяце. Нас эвакуировали в первых эшелонах, как семью папины, потому что он был ответственный работник.

А в партии он еще не был восстановлен?

Нет, не был. И нас эвакуировали в Краснодарский Край, станица Удобная, хутор Грушки, это на границе межд Краснодарским и Ставропольским краем. Небольшой хутор, в котором было всего шестьдесят дворов.

Долго вы ехали туда?

Так. Долго ехали. Опять ехали не меньше месяца.

А поезд какой, теплушки или обычный поезд?

Нет, мы ехали хорошим поездом.

Вот я еще хотела спросить, вы 23-го года, у вас должен был быть выпускной вечер в 41-м году?

Я в 40-м кончила школу.

Вы не учились еще нигде?

Ну и что было дальше?

Мы жили в станице Удобной. Там у мамы родился еще один сын. Но условия жизни были чрезвычайно тяжелые. Мы были в колхозе, собственно говоря, мы никто не работал.

А чем вы кормились?

Нужно сказать, что эвакуация, в конечном счете, была неплохо организована. Вот мы были приписаны к этому колхозу и колхоз, как бы, нес за нас ответственность. Нам выписывали продукты в этой колхозной кладовой. Маму рожать сам председатель колхоза возил в родильный дом, оттуда сам забирал. Нас поставили в хату на постой к колхозникам жить, но мы не были на их иждивении. А содержал нас колхоз. Там мы нигде не работали. Мы прожили там очень недолго – мы были одни эвакуированные, и условия были тяжелые. И тогда мама добилась, так как у нее маленький ребенок, что нас перевезли под Армавир в станицу Советская, которая была 25 км от Армавира. Это была уже большая станица населением примерно 20-25 тысяч, и там в этой станице было несколько колхозов. Нас опять таки поместили в колхоз. Мы были единственные эвакуированные в этом колхозе – колхоз имени Штейнгарта.

А кто это такой?

Не знаю. К своему стыду, я не знаю, кто это такой.

Там вы уже работали?

Там я пошла на курсы трактористов, окончила эти курсы, школу я окончила с отличным аттестатом, который мне давал возможность поступления в любой вуз страны без экзаменов. И в этой станице мы уже работали. Мама с Феликсом жили на молочно-товарной ферме и мама работала дояркой. Феликс не учился, был при маме.

А маленький мальчик?

Маленький мальчик у нас умер. В этой станице Советской, его звали Алексей, в возрасте одного годика. Но в этом возрасте он еще аже не садился, такой он был слабенький, так как жили мы тяжело. Я не могу сказать, что мы голодали. Но там нет никакого топлива, и поэтому зимой мы жили в таких условиях, что вода замерзала в доме, и братик умер.

А что дальше было?

Дальше я пошла на курсы трактористов при МТС, закончила их и работала в тракторной бригаде колхоза имени Штейнгарта. Работала я учетчицей и одновременно трактористкой. Тогда была система трудодней, и также в колхозе мы тоже работали за трудодни. Но тогда тракторные бригады были обеспечены трудоднями, которые отоваривались продуктами. Это было преимущество тракторных бригад, и фактически мы были на полном продовольственном обеспечении колхоза. Так как это было в Краснодарском крае на Кубани, то я не могу сказать, что мы испытывали голод, нет. Потому что я работала в тракторной бригаде, а мама на молочной ферме, и там же жила и питалась. Так что мы не голодали. Но денежного никакого довольствия не имели. Но у нас было немного денежного довольствия – папа из армии нам прислал аттестат. И этот аттестат давал нам некоторое довольствие. Чего у нас совершенно не было, так это одежды. Так как при эвакуации нам говорили, что мы через две недели вернемся и чтобы вещей брали на две недели. Это был август месяц, и вещей у нас не было. Мы от этого очень страдали. Жили в бригадах, тогда в бригадах были жилые помещения, потому что бригады были далеко от станицы. Наша бригада была – 12 километров, а мамина – 18 километров от станицы. Поэтому там работали. Там и жили.

Что дальше было?

А дальше в 1942 году в августе –месяце Краснодарский край был оккупирован немцами, и мы опять эвакуировались. Вот эта эвакуация была очень тяжелой. Потому что мы перегоняли колхозный скот впереди себя, мы шли по дороге, которая проходила в горном ущелье. И так, примерно, месяц мы со своим колхозом двигались.

Мама и Феликс с вами были?

Мама, Феликс, я, все наш колхоз, скот, продукты везли, зерно везли. Но все таки какая-то организованная эвакуация опять была, и колхозом мы опять вместе держались, питались. Во всяком случае, я это хочу даже подчеркнуть, я ни в первую эвакуацию, ни во вторую мы не ходили по домам, ничего нигде не просили, потому что нас каким-то образом организованно кормили. Остальное все – нет, но всех кормили. Но это благодаря тому, что это была богатая Кубань. Но немцы нам перекрыли дорогу и начали бомбить мост через Кубань. Как раз в тот момент, когда мы должны были перебираться на другую сторону. И отрезали нам отход в эвакуацию, и таким образом, деваться было уже некуда, и все это развернулось в обратную сторону. Вот это уже было все чрезвычайно тяжело, потому что не только эвакуировались мы, но и армия отступающая.

Так вы шли опять обратно на запад?

Кубань перекрыли. И мы этой же дорогой возвращались на запад.

Там уже немцы были? Вы оказались в окружении?

Да, уже навстречу нам шли немцы. Мы уже не шли дорогой, мы уже разбрелись по окрестным селам, и как-то шли селами, я уже сейчас точно не помню.

А вы знали тогда, что немцы уничтожают евреев?

Мы очень боялись встречи с немцами. Когда мы возвращались, то мы очень уже боялись этой встречи. Поэтому мы не шли прямой дорогой, и вернулись в эту станицу Советскую, опять-таки вернулись в свой колхоз. Но в станице мы уже не жили...

Станица была уже оккупирована?

Да. Да. Когда мы вернулись, она была уже оккупирована. Но мы вернулись не в станицу, а опять по своим бригадам. Мама – на молочну. Ферму, а я в тракторную бригаду.

И колхоз продолжал работать во время оккупации?

Колхоз в оккупации продолжал работать. Это был август, значит, убирали хлеб весь, засыпали в амбары, немцы его вывозили.

А вы немцев видели? Вам же надо было прятаться, вы еврейка, вы видели немцев?

Почти нет. Я уже с этой своей бригады из степи практически никуда и выходила, так же, как и мама с братом. Потому что все знали, что мы евреи, Шварц, Нэля, Феликс.

А колхозники, вы не боялись, что они вас выдадут?

С колхозниками как-то мы жили в дружественных отношениях. Нужно сказать, что они уважали и мою маму, и меня, может быть, по тем причинам, что мы оказались самыми образованными людьми. Там с высшим образованием практически была одна моя мама, никого не было. А в моей среде с десятилетним образованием, да еще с таким аттестатом, как у меня, тоже никого не было. И очень много сделал для нас бывший главный бухгалтер, а потом староста. Его фамилия была Буц. Она был из казаков кубанских. Но он очень хорошо относился ко мне и моей маме, потому что быть учетчиком тракторной бригады было непросто. Я занималась обеспечением топливом, керосином всеми смазочными, это было на моей материальной ответственности. Поэтому я была в колхозе... Я нигде не появлялась.

А каким образом он вам помог?

А он помог таким образом. Он нас предупредил, что он постарается, что никто нас не выдаст. И если будет какая-то опасность, то он нас предупредит. И так было. Когда немцы должны были приехать в бригаду, а немцы особенно не выезжали в бригаду, так как боялись партизан. Все их управление было в станице, боев через нашу станицу не было, там армия не стояла, а была немецкая жандармерия. И он нас предупреждал, когда они должны были ехать. Вот лично меня он предупредил, это было лето, и я убежала в кукурузное поле для того, чтобы спрятаться. Он специально прислал на коне гонца, возрастамоего брата, мальчика, чтобы Нелю предупредить, что она должны уйти из бригады.

И вы всю оккупацию там прожили?

Оккупация была, на наше счастье, всего шесть месяцев. Но это ничего не значит. За эти 6 месяцев на окраинах Армавира успели расстрелять 7 тысяч евреев и партийных работников. Тогда расстреляли нашу председателя колхоза, Варвару Бурдову, молодая женщина в возрасте до 40 лет. Ее расстреляли. Моей маме кто-то сказал. Что повели евреев в Армавир через станицу, и что видели вашу Нелю. Мама прибежала десятки километров и меня тоже, когда увидела в этой бригаде полевой, были и слезы, и все, потому что она решила, что меня тоже повели на расстрел. И таким образом, именно благодаря людям, которые к нам относились просто хорошо, они нас спасли, и этого старосту нашего, который нам очень помог. И когда освоюдили через 6 месяцев в феврале 43-го года, это было чуть ли не на день Советской Армии, в двадцатых числах, и тогда этого старосту арестовали. И мы с мамой написали письмо в соответствующие органы о его отношении лично к нам.

Это помогло?

Помоему помогло, потому что его потом не осудили. Навеное, не только же мы. Потому что он выполнял защитну. Функцию, и это помогало ему тем, что, имея в руках этот богатый колхоз, он как бы откупался от немцев. Он был умный человек и очень солидный. И вот в 43-м году весной, это было уже весной. К лету, в Краснодаре начали работать институты. И я увидела в газете объявление о том, что Краснодарский институт пищевой промышленности возобновляет набор в институт. Мои трактористы, прочитав это, сами мне принесли и сказали, что ты уже должна идти учиться, хватит тебе уже тут сидеть. И я, действительно, поехала учиться. Колхоз мне немного помог – выдал мне на трудодни зерно, это зерно мы продали, в общем, каким-то образом я поехала учиться в Краснодар и поступила. Да, но, когда мы были в оккупации, мы уничтожили все свои документы, в том числе и мой аттестат, чтобы нигде не было фамилии. Паспорт мне выдали по справке, а аттестат, когда я приехала учиться на первый курс Краснодарского института, то у меня ничего не было об образовании. Но там была такая форма, что можно было экстерном сдать все за школу. И я сдала экстерном все на отлично и поступила аттестат уже другой и поступила в этот институт. И в этом институте я проучилась один год и закончила первый курс.

И жили в общежитии?

Нет, никаких общежитий не было. Но нам как-то помогали размещать нас по квартирам.

А мама оставалась в колхозе?

После оккупации мама переехала в станицу и устроилась на работу, и она там в станице жила с Феликсом на квартире. Это были такие квартиры – нас, как эвакуированных, ставили на постой, это не было так, что мы снимали квартиру.

Вы проучились один курс?

Да. Папа в это время, их воинская часть была переведена в Нежин под Киевом. А еще у меня было такое трогательное событие, когда я в Краснодаре сидела в институте на лекции, в это время открылась дверь – папа мой на фронте – открылась дверь и вошла девочка десятилетняя и на всю аудиторию закричала: «Неля, твой папа пришел!» Оказалось, что папа стоял в это время в 80-ти км от Краснодара, он то знал. Что я в Краснодаре. Ему дали на сутки увольнение и он меня нашел. И я бежала к нему – папа во время войны, я приехала к своей хозяйке. Папа стоял посреди двора над тазом, ему поливали водой, и женщины вокруг рыдали. Это было очень такое запоминающееся трогательное событие. Когда папу перевели в Нежин, он не был уже на фронте, их полк стоял там. И папа забрал маму с Феликсом, и я тоже уехала. Закончила первый курс и уехала в Нежин. Я хотела перейти в Киевский институт пищевой промышленности и пошла даже с папой переводиться, но там не было общежитий и жить было совершенно негде. И мне посоветовали пойти в Политехнический институт, у них есть общежития. Я пошла туда.

Это какой был год?

Это был 44-2 год. Я пошла в Политехнический институт и буквально в коридоревстретился человек. Которого я спросила, как пройти в Приемную комиссию. Он сказал – а какая вам нужна комиссия? – Киевского политехнического института. А он спросил – а Львовский вас не устроит? И вот так в коридоре с разбитыми стеклами, все было разрушено, он меня уговорил уехать во Львов. У меня документы были все присебе, такие все исправные, и таким образом в 44-м году в конце октября я приехала во Львов и поступила на второй курс химико-технологического факультета на пищевую специальность.

Вы этот Львовский институт и окончили?

Я окончила Львовский Политехнический институт в 48-м году. А родители на Новый Год 46-го года тоже приехали ко мне. Потому что папа уже демобилизовался и решили они, что будут обосновываться во Львове. И вот в 46-и году они приехали во Львов.

Вы приехали во Львов в 44-м году. А какая здесь обстановка была. Как относились к людям с Востока, к россиянам, евреям, вы чувствовали к себе какое-то предвзятое отношение?

Я приехала в 44-м году, поселилась в общежитии. В общежитии мы жили, в основном, приехавшие с Востока – русские, украинцы, евреи, и меньше было поляков, и очень мало в институте было украинцев местных. На тот, на который я пришла, была одна группа поляков, одна группа восточников, мы все считались русскими, и на курсе было всего три местных украинца. Так как местному населению украинскому было практически недоступно высшее образование.

Почему, их не принимали?

Потому что это было дорого, и среди их было мало людей со средним образованием.

То есть на себе вы не ощущали этого отношения?

Итак что в то время была всеобщая эйфория по поводу того, что война уже ушла с этой территории, она еще не окончилась, и как-то не было практически вот такой межнациональной

розни. Однако было другое. Была борьба между местными украинскими националистами, которые боролись не столь с русским населением, сколь с советской властью. Вот так вот можно сказать. А вообще, так как они трактуют, не столь с советской властью, сколь с репрессивными органами советской власти. Вот такое отношение между нами, студентами, было совершенно нормальное. Причем мы говорили на трех языках – каждый на своем – поляк по-польски, украинцы- по-украински, русские на русском. Нам читали лекции польские профессора по-польски, украинские преподаватели – по-украински, которых было очень немного, и русские- на русском. И вот этого языкового барьера не было, может быть, потому что мы все были молоды и ждали одного – окончания войны. Сказать за всех – мы же жили тоже, мы получили квартиру. В 45-м году я вышла замуж за своего студента-однокурсника, который пришел без ноги с фронта, Черевко Ивана Александровича..

За украинца?

За украинца. Ему дали однокомнатную квартиру как инвалиду войны и семейному человеку. И вот эта мебель, которая стоит, была с этой квартиры. Квартира принадлежала полячке. Которая выезжала в Польшу, и мы у нее купили мебель, которая у нас еще сохранилась до сих пор. Нам дали ее квартиру.

Так что, когда приехали родители, они с Вами жили?

Когда приехали родители, они с нами жили, и мы опять жили в одной комнате большой семьей – папа, мама, бабушка, брата Львовна, брат мой и у мамы еще родилась девочка Таня в 45-м году, которой тогда не было еще годика.

Они потом получили свою квартиру?

Потом они получили свою квартиру, жили отдельно, а мы жили в однокомнатной.

Отец и мама работали во Львове?

Мама не работала. Мама больше не работала, у нас была бо́льшая семья. А отец мой, когда приехал в 46-м году, он стал работать в дирекции строящейся Укрзападуголь. Это было начало угольной промышленности, разработки западных месторождений угля. Вот это первая дирекция, там папа работал до самого конца.

Когда папа умер?

Папа умер 17 декабря 69-го года в возрасте 66-ти лет.

А мама?

А мама раньше умерла, в 65-и году в возрасте 63-х лет.

А Таня жива, ваша младшая сестра?

Танечка умерла в 49-м году. Здесь во Львове была эпидемия дифтерии, она заболела и умерла, прожила всего четыре года.

А брат ваш Феликс, как его судьба сложилась?

Брат мой Феликс в 54-м году окончил наш институт по специальности геофизика и получил назначение в Пермьнефтегеофизика. Это тогда назывался город Молотов, потом опять Пермь. И он там живет до сих пор – у него два сына Павел и Григорий. Жена у него умерла в 82-м году, двадцать лет было недавно, и он больше практически не женился.

Ну а как Ваша жизнь сложилась, я знаю, что вы стали и кандидатом наук.

А моя жизнь сложилась, я бы сказала, нормально. У меня были очень хорошие отношения с мужем, со всеми нашими родственниками, родственниками мужа. На почве разных национальностей не было никакого антагонизма. У нас было трое детей – все сыновья, 46-го года Александр, 51-го года Сергей и 54-го года Виктор. Мы оба научные работники, оба проработали в институте – муж мой окончил аспирантуру в Ленинграде, защитил кандидатскую диссертацию в 51-м году, в 69-м – докторскую. Был доктором экономических наук, профессором, и, так как ему было тяжело на преподавательской работе, то он работал во Львовском отделении института Экономики Академии Наук УССР.

Когда он умер, ваш муж?

Муж умер в 99-м году, мы с ним прожили 54 года и отметили свою золотую свадьбу. Я защитила кандидатскую диссертацию в 68-м году, работала во Львовском политехническом институте – проработала в нем ровно 50 лет – с 48-го по 98-й год

У вас много учеников?

Да, у меня много учеников, тех, которые у меня учились. И что мне приятно, что многие из них стали докторами, профессорами.

У вас целая школа?

Я не могу сказать, что это моя школа. Но, тем не менее, они все у меня учились и многие из них пошли по моей дисциплине – техническая микробиология, биохимии технической, по тем дисциплинам, которые я в институте преподавала. Поэтому мне приятно сказать, что основа, очевидно, была заложена неплохая.

Скажите, вы были членом партии?

Да, я была членом партии с 68-го года.

Вы поступили по собственным убеждениям или это было нужно для работы?

Я поступила по собственному убеждению. Но это мне было нужно для работы, потому что я много лет еще параллельно преподавала в высшей партийной школе здесь во Львове. Я должна была быть членом партии. Но это не расходилось с моими убеждениями – у меня папа и мама были членами партии.

Вот, кстати, папу восстановили в партии?

Папу восстановили. А мама не подавала, она была уже домохозяйкой.

А бабушка когда и где умерла?

В Харькове у старшей дочери Ревекки.

Скажите, бабушка не отмечала еврейские праздники религиозные?

Здесь во Львове нет.

Папа не давал?

Нет, ну почему. Я не могу сказать, что папа как-то на нее давил. Как-то оно самой нивелировалось.

Еще такой вопрос. Вот, начиная с 49-го года, антифашистского комитета, « дело врачей», это вы чувствовали как-то на себе?

Чувствовалось, это сказало на моем папе.

Его понизили или уволили?

В 1951-52 году у моего папы начались в разгар антисемитизма. Его понизили и от заместителя управляющего трестом Львовуголь его сделали старшим инженером ОКСа этого треста. Папа по этому поводу обращался в Обком партии со специальным заявлением, где он писал, что он считает, что единственной причиной является то, что он еврей.

Это помогло как-то?

В конечном счете это помогло.

До смерти Сталина или после?

Сталин умер в 53-м году. По-моему, еще до смерти Сталина папу как-то восстановили на работе начальником планового отдела. Но это было, было, и папа почувствовал этот антисемитизм.

Я знаю, что вам очень тяжело говорить, у вас умер сын недавно, Александр, но расскажите о нем. Он эмигрировал в Израиль, он вообще получил какое-то образование?

Высшее.

Кто он был по специальности?

По специальности он был инженер по автоматизации. У него двое сыновей – Игорь и, как дедушка, Иван, оба они в Израиле.

Они получили образование?

Старший, Игорь, окончил во Львове институт физической культуры. он тренер по водным видам спорта.

А младший?

Он еще учится, там очень большая, в 14 лет, разница, он 88-го года.

Это внук. А я про ваших младших сыновей спрашиваю. Расскажите о них. Средний и младший, чем они занимаются.

Средний сын окончил политехнический институт, он инженер-технолог.

У него есть дети?

А вот дочка его, балерина.

Как ее зовут?

Нинель, она живет в Америке. Младший сын мой окончил институт народного хозяйства в Одессе, живет во Львове.

У него есть семья, дети?

У него дочь Лина, есть 19 лет. Она учится во львовском университете.

Скажите, вы никогда не соблюдали еврейские традиции и были от этого далеки?

Да, это было от меня далеко.

А сейчас у вас нет ощущения, что что-то потеряно. Что нужно как-то восстановить своей еврейское происхождение?

Есть, это ощущение есть.

Каким образом вы его реализуете?

Оно какое-то внутреннее. Я бываю в Хеседе, получаю посылку, читаю еврейские газеты.

А вы отмечаете как-то праздники?

Ну вот, еврейскую кухню стараюсь готовить. Тянет меня к этому.

А в каком году Саша уехал в Израиль?

Саша – в 99-м, а Игорь, его сын – в 97-м.

Он по учебной программе уехал?

Нет. Он уже тут был женат.

Какого он года?

Он 74-го года, им по 28 лет. Он уехал туда с женой, и у него уже есть дочка и там еще родилась. Так что я богатая бабушка.

Спасибо большое.